

Красная машина

Совсем недавно муж ей подарил красную машину – эдакий приплюснутый агрегат на колесах, похожий на шедевр итальянского автопрома, а в действительности, всего лишь вариант спортивного автомобиля фирмы, больше известной своими штамповками. Она была счастлива, легко освоила вождение, тем паче после "девятки", и перестала замечать трудности, с которыми в первый раз разместила свое тело на сиденье, складываясь в три погибели, приседая в манере стриптизерши, предпочитая, в такие солнечные дни как этот, короткие юбки и вообще весьма откровенную одежду удобной или спортивной. Вообще, эта бывшая легкоатлетка всякий раз восторгала людей, когда подходила к своей машине и элегантно движением руки выключала сигнализацию, затем нагибалась и вмещала свое тело в салон автомобиля. Но внутри было все очень удобно и, даже можно сказать, комфортно. В таких машинах не сидят а полулежат; управлять легко – чудо инженерной мысли кажется живым и очень податливым, главное – преданным...

Ее звали Леной – просто Леной – и она, наконец, приехала к себе домой после консультации в детской поликлинике; она остановилась у самого подъезда, распахнула дверь и, как трансформер, собралась рядом с авто, - выпрямилась во весь свой рост где-то под сто девяносто, потом согнулась наполовину и, демонстрируя всему фасаду дома свои длинные, стройные ноги и то, что следует выше, нырнула в салон, чтобы выпрямиться снова уже с годовалым ребенком на руках. Она возвышалась над автомобилем, крыша которого была ей чуть ли не по пояс, и еще не умея с безразличием, с небрежностью признавать свое право на превосходство, хоть и мельком, но непременно оглядела вначале лакированные бока кузова, а затем огляделась с выражением озабоченности и какой-то деловитости, будто высматривая кого-то конкретно, но на самом деле убеждаясь, не завидует ли ей кто из прохожих, из соседей? Ей это очень надо было знать, как голодному бомжу, что его не ждет старость в нищете...

Ребенок крутил головой – тоже осматривался, что-то лепетал ей, руками цеплялся за волосы, причиняя боль, отчего она морщилась и

осторожно отнимала пальца от своих локонов; и улыбалась, когда их с ребенком глаза встречались; просила не делать ей больно...

-Домой, домой. Мы идем домой. Вон наш подъезд. Сейчас откроем дверь и поедем на лифте.., - говорила она и младенец ее понимал, даже отвечал членораздельно..., на своем...

К двери она направилась грациозной походкой, хоть и несла ребенка на руках. Она видела себя со стороны и восторгалась собой, своей успешностью, удачливостью, даже внешностью. Ей всегда казалось, что будь она мужчиной, непременно бы взяла себе в жены ее, ну, то есть себя саму... Такая мысль забавляла, грела, вызывала радость.

Лифт поднял их на высокий этаж; двери квартиры открыли скоро очень, будто стояли наготове с той стороны – ждали; наверное, видели в окно.

Это была старшая сестра, ее звали Людой.

-Ну что? - спросила Люда.

Ребенок потянулся к своей тетке и Лена передала его .

-Да обыкновенный диатез. Ничего особенного, только зря время потратила и деньги. Какие-то лекарства выписали. К черту, само пройдет! Надо прикорм сменить, я в поликлинике поговорила с одной знакомой мамашей...

Дальнейший разговор происходил в том же духе – все на ходу, пока она раздевала сына, а тот, обрадованный, что снова оказался в привычной обстановке – в манеже со знакомыми игрушками, тут же почувствовал себя голодным и захныкал; указал рукой в сторону кухни, Обе женщины поняли жест маленького, сестра Люда сказала, что уже приготовила кашу, а по дороге, с ребенком на руках, резко обернувшись, замерла на секунду, спросила, вкладывая в вопрос чрезвычайную значимость:

-Он звонил?

-Нет! – хоть и резко, но теперь больше с каким-то злобным отчаянием в голосе отвечала младшая сестра, – не звонил. Он "вне зоны обслуживания сети". Наверное, еще не проспался, или его сучка какая-нибудь ублажает, так что даже жене не позвонить, не спросить – жива, не жива, как Никитка?..

-Лена, а может с ним что случилось? – то ли с укором и в защиту сказала Люда, то ли просто так, предполагая худшее...

Лена кормила ребенка из ложечки, парень смирно сидел в высоком кресле и смотрел на женщин попеременно, будто понимая смысл их разговора.

-А что с ним может случиться. Продал машину и в загул! Может с той же, что в прошлом году под домом топталась!.

-Да, но не с такой же суммой денег. Таскаться с двадцатью тысячами по городу... Раньше такого никогда не было.

-Не было. А теперь вот есть... такое. Он же скотина – ты знаешь?! – Лена подивилась себе, что так быстро разгневалась.

Вообще-то она так категорична не посмела бы сказать в присутствии мужа – Сергея. Но сейчас в одно какое-то непонятное чувство слились и досада и похвальба: конечно, ей было неприятно всякий раз убеждаться, что муж изменяет ей, но с другой стороны, он был успешным и богатым человеком, потакал всем ее прихотям и вон, даже такую машину подарил, так что в городе она была единственной... Лена прощала ему блуд, потому что взамен всегда получала то, что хотела, и даже больше. Но, с другой стороны, ей нельзя было показаться перед сестрой в роли подчиненной женщины, вот она и хорохорилась...

Ребенка перенесли в кроватку, а он, лежа, сосал морс из бутылки, на горлышке которой была прикреплена соска; причмокивал и изредка мычал, при этом умудряясь жадно и часто глотать эту подслащенную красную жидкость... Буквально через пару минут он заснул и сестры вышли на балкон.

Все еще по-утреннему было свежо, но день мог получиться жарким. Шум машин доносился издалека, и вороны каркали под самым боком, – их не было видно вот так вот просто, но если взглядеться в самую листву деревьев, эти наглые существа маячили там, всем своим гордым видом доказывая свое право на превосходное существование!

Балкон находился высоко, весь мир внизу немного походил на кукольный. В этом кукольном мире раньше жили воробьи, - она их помнила, и теперь иногда каким-то усилием воли заставляла себя слышать то, чего нет на самом деле... Ведь чириканья воробьев она не слышит так же ясно, как карканье ворон, как голос своей сестры, но маленькие коричневых пернатые все-таки дают знать о своем существовании чириканьем, которого не слышно, но которое ведь должно быть, как было раньше. Вот и слышала она этот звук как бы

внутри себя, как иной раз говорят люди, что слышат голоса внутри себя..., даже внутри своей головы...

Люда закурила – пачка сигарет и зажигалка, пепельница и чашка с недопитым кофе – все это было на подоконнике; судя по количеству раздавленных в пепельнице окурков, сестра, пока ждала, курила; отсюда она и увидела как подъехала красная машина...

-Лена, ведь надо что-то делать...

-А что? Я знаю, что ответят в милиции! – в тоне резко, а лицом растерянно сказала Лена. – Скажут, что загулял. Скажут, что взрослый мужик... Подождем до вечера, а лучше – до завтра, а может, до послезавтра? Откуда я знаю? Знаю только, что если он начнет гулять, может и на неделю зарядить...

-Да, я помню его... манеру... Но если б он не продавал машину, то можно было и не беспокоиться особенно... А вдруг его кинули, сама понимаешь...

Понимать было нечего – страна пережила дефолт 98, нищей ползла к концу столетия, а заодно и тысячелетия. Муж Лены – Сергей - выживал, занимаясь перегоном машин из Германии; в стране цвела буйным цветом коррупция, а поскольку ее – этой коррупции - без преступности не бывает, народ учился существовать, даже строить планы, и считать, считать деньги, складывая купюру к купюре, потом тратить – кто на что горазд. И пока не были расставлены ловушки из кредитов, владелец хорошего автомобиля мог считаться человеком состоявшимся. Выдумкой бывший советский человек побивал все мыслимые рекорды, славясь пошлостью, а чаще наглостью и бесшабашностью, головотяпством и гипертрофированным чувством безнаказанности, впрочем, не чувством даже, а уверенностью – достаточно было включить телевизор, чтобы скоро очень дождаться чьего-нибудь лика из сана святителей эпохи... А еще кому-то везло, когда умирали бабушки с родителями, после чего оставались квартиры и дачи; кто-то сам приумножал капиталы, понимая хорошо, что в наступившее время беззакония легче всего сделать состояние не трудом праведным, но воровством и обманом, называя это *первичным накоплением капитала*; всякий понимал, что то, что делают в правлении государством, надо делать в торговле и быту, потому что все остальное последовательно и планомерно разрушалось – страна торопилась утвердиться окончательно примитивным сырьевым придатком для кого

угодно, как проститутка торопится стать чьей-то, чтобы получить полагаемые ей копейки...

Лена со своим мужем – Тимофеевым Сергеем – давно рассудили просто, как только закончили с большим спортом, что жить им придется в расчете на свои силы. Ее родители как-то вовремя приобщились к лучшей части человечества – умерли... друг за дружкой, да так и не успев поделить нажитое добро между дочерьми. А девочки, будто спущенные с цепи суки дворовые, быстренько нашли себе кобелей: Люда оказалась в любимицах у кавказца, который торговал на рынке овощами, Лена – у бывшего легкоатлета, а в то время состоявшего бойцом в бригаде у скороспелого бандита, которого, впрочем, так же скоро порешили в короткой разборке. Тогда многих посадили на нары, а Тимофеева Сергея... почему-то не заметили. Стал он продолжать начатое между прочим дело с перегонем машин, да вот и дожил до сего дня; с трудом большим Лена зачала – после лечения, и все из-за спортивного прошлого с препаратами для успеха, отчего и по сей день у нее оставался голос грубым, низким. Сергей стал отцом мальчика, чему радовался в промежутках между автомобильным гоном из-за рубежа, между пьянками и гульбой с проститутками, *пацанами*, банями и водкой. Жизнь можно было считать состоявшейся, если б не вопрос с жилищем, и если б не было в их с Леной жизни ее сестры, а больше - этого пришло кавказца. И не то, чтобы они ссорились особенно, чтобы, тем паче, дрались, хотя, вполне могло быть такое, если б кавказец не побаивался прошлого Сергея – его дружков; просто обоим парам хотелось жить врозь, каждому хотелось иметь во владении такую просторную квартиру из пяти комнат, при этом каждый искренне верил в чудо, которое непременно должно будет свершиться, если чуток еще подождать, потому что заработать на квартиру уже было невозможно – цены перли вверх как дрожжевое тесто из кастрюли, а точнее, как содержимое выгребной ямы, в которую всем известный... проказник бросил пару брикетов дрожжей. Легче было ждать, легче было верить в невозможное, и очень уж привычным делом было тратиться на дорогие шмотки, хорошие машины, турпутевки, рестораны, и черт те на что еще, постигая истину о бытии - что завтрашний день сам о себе побеспокоится. Впрочем, никто ни о чем не думал – они научились просто жить; их учила жить сегодняшним днем новая мораль; в страну импортировалась новая мораль для гоев, и всходы от такого посева

старых законсервированных семян били буйным ростом – после воздержанья и скромности, (не бедности, не нищеты) в которой выросло это поколение, дары *западников* в виде шоколадок и жвачки ложились на благодатную почву.

-Кинули?! – Лена в какой-то задумчивости повторила слова сестры, потом со свирепостью, слегка повысив голос. – "Я помню его манеру"?! Было-то всего один раз, а ты называешь это манерой?!

Она принялась ходить по комнате; выглядела потерянной, но по натуре своей была человеком деятельным, а точнее – суетливым человеком, потому прежде ей надо было бы придумать что-то, чтобы куда-то ехать, чтобы просто предпринимать какие-то действия... в продвижении к какой-то цели, или без всякой цели. Так ее запрограммировали в спорте, такой она представляла саму жизнь с ее извечными проблемами: ей ведь ничего так просто не давалось, даже исполнить свое предназначение она смогла только лишь после изнурительной борьбы с Природой, которая почему-то не хотела одаривать ее ребенком, тогда как какую-нибудь, по ее мнению, дурочку-потаскушку, простушку и "целлюлитную домохозяйку" могла щедро награждать "залётами". Лена считала жизнь штукой несправедливой, или, иначе говоря, нечестной: кругом вершили свои дела, будто суд, люди наглые, богатые и... просто сволочи; им завидовали, потому что они смотрелись красиво и со стороны можно было подумать, что были и счастливыми, и даже баловнями судьбы. Если когда-то ее тешила собственная хвастливость перед теми подругами, которые все еще не были замужем, то теперь голова ее задралась кверху и она могла видеть только тех, кто живет лучше – у кого есть шикарные квартиры, подороже машины, да и все остальное "круче". Красная машина давала чувство уверенности – несомненно; одежда, в которую она себя паковала, тоже тешила до щекотки где-то там под ложечкой, когда она собирала урожай зависти в глазах сверстниц, у которых не только не было средств для покупки дорогого тряпья, но у которых не было такой стройной фигуры! И все же, когда она оставалась один на один с собой, а точнее – в одиночестве, когда Серега исчезал в поездках и она не могла быть уверена, что он в пути, а не в постели с очередной шлюхой, тогда... она плакала – плакала в подушку.

-Извини, Лена, я не хотела тебя обидеть, – искренней была сестра. – Я просто не знаю, что сказать, что подумать...

-А что тут думать?! Завтра, с утра, если не объявится, надо будет думать..., - сказала Лена, и как отрезала... до следующего дня.

В этот вечер, как и во все вечера, муж Люды пришел поздно. Он назывался очень сложным, незапоминающимся именем и Лена нарочно не запоминала его, как-то безлико обращаясь в том направлении, в котором он находился, при этом никогда не глядя ему в глаза, как, бывает, делают те, кто готов с удовольствием и драматизмом показывать процесс общения к призракам.

А муж Люды был человеком крепким, приземистым, с брюшком, со щетиной что наждачная бумага; он умел смотреть по-доброму, даже ласково, когда разговаривал с женщинами, или с детьми. А, может, длинные ресницы придавали его взгляду такую прелесть, от которой млели многие женщины, и Люда знала об этом, ревновала. Когда-то и она подпала под очарование этих глаз, как кролик под взгляд удава; еще и словам его поверила – ну какая женщина откажется от права быть королевой или принцессой в глазах мужчины – златоуста с кавказским акцентом? И какая женщина откажется от предложения стать женой, убедившись, что и "семейная страница" паспорта ее суженного чиста, и сам он не собирается уезжать на родину. Торговля овощами сулила хорошие деньги, а учитывая, что он занимал среди своих не последнее место, можно было строить серьезные планы на будущее; еще он попросил ее родить ребенка, как только уладятся дела с квартирой, что более распалило девушку и она подумала, что роман ее с этим человеком может оказаться не актом отчаянья от того, что нет мужчин среди своих, а вполне реальным, оформленным актом взаимного чувства, тем более, что была-таки одна особенность в манерах кавказца, которая просто *заводила* ее, да так, что в стремлении распознать какую-то его загадку, она шла напрямиком – иногда капризничала на пустом месте, будто хотела заставить его разоблачиться, чтобы была раскрыта тайна его сдержанности, которую он проявлял на людях и страстность, которая в нем просыпалась как только они оставались одни; загадкой для нее была его способность управлять ею одним только взглядом: ну почему она млела, когда он просто смотрел на нее, почему ее начинало лихорадить, когда он прикасался к ней? Со временем она успокоилась, даже стала выдержанной, а когда Лена сошлась с Сергеем, как-то само собой получилось, что приняла сторону своего иноверца; наверное, предложи он ей принять мусульманство, она бы не думала больше одной

секунды. Он предложил ей совместную жизнь и законное бракосочетание.

Сегодня муж Люды пришел поздно, поздоровался со всеми, долго мылся в ванной, потом вышел вместе с запахом дорогого парфюма, выбритый до синевы (он всегда брился перед сном, чтобы не колотиться ночью – не раздражать щеки Люды) и уселся за стол – ужинать. Люда хлопотала вокруг него; они разговаривали вполголоса, хихикали, впрочем, сдержанно, будто в доме пребывал кто-то в скорби.

Раздраженная до предела Лена вошла на кухню с ребенком. Люда спросила, чем может помочь, но Лена ничего не ответила, взяла бутылочку с кефиром, и ушла.

-Не звонил? – спросил жену мужчина.

Люда покачала головой, мол, нет.

-Долго... Мог бы придумать что-нибудь. Так нельзя, – сказал он - рассудил все по-своему.

-Ты знаешь, мне как-то не по себе, честно говорю; я волнуюсь нехорошо – уверена почему-то, что случилось что-то серьезное, плохое...

-А что может случиться? – нахмурил брови кавказец, что означало, что он задумался, пытается понять ход мысли своей жены.

-Ну как, он же поехал машину продавать. Клиент был – давно ждал. И все. Пропал. И никто не знает, кто был этим клиентом...

-Я ему однажды предложил своих ребят, а он отказался. Сказал, что сильный, что побьет, если вдруг что-то... Парням много платить не надо было... Это Садиг и Мурад – ты их знаешь. Садиг для вида – он же большой очень, а Мурад... шустрый, – и тут кавказец улыбнулся, – Мурад уже свой павильон берет, представляешь?!

Люда кивнула, спросила:

-Ты сам-то что думаешь?

Муж пожал плечами, долго жевал, и высказался:

-А что можно думать? Можно думать, что его убили, а можно думать, что тратит деньги сейчас... сама понимаешь. У него же сейчас, ну та *наркоман* худая, у *который волос* крашенный.

Люда кивнула.

--Кто знает, с кем *наркоман дружат*. Сама понимаешь... А что *он* говорит? – указал мужчина в сторону двери, откуда в любой момент могла войти Лена, если вообще не стояла за дверью...

-Она до завтрашнего дня подождет. Если с утра не зайвится, наверное, пойдет в милицию... Заявление напишет.

-Ну если *милиция надо*, я помогу... - сказал мужчина.

-Я ей пока не буду ничего говорить, – сказала Люда. – Завтра все решится...

Завтрашний день ничего не дал Лене, кроме утренней прохлады, раннего плача ребенка и еще большей взвинченности нервов. Она, как ей казалось, не сомкнула глаз за всю ночь; не решила ничего конкретного, не определилась в своем отношении к пропаже мужа: не могла она понять, следует злиться на него, или лучше ненавидеть? или отвлечься делами и просто ждать, никак не обозначая для себя свое отношение к его поступку. Ей хотелось бы, чтобы с ним что-то случилось, чтобы его поведение можно было объяснить как непреодолимость, неизбежность, фатальность; возможно, она легче могла бы смириться с несчастным случаем, чем с разгильдяйством, бесшабашностью Сергея, а точнее – с его пьянками и этой патологической тягой к проституткам. Пребывая в состоянии между бодрствованием и сном, она была искренней как никогда, но стоило ей проснуться, - будто вылезти из болота, - и ей хотелось, чтобы это тупое ожидание закончилось поскорее, чтобы он оказался перед ней, чтобы она могла прежде ударить его и убедиться, что он реален, а потом, после скандала, простить ему измену – пусть даже измену; простить загул, - пусть даже банальный загул в компании друзей-собутыльников; или и то и другое вместе взятое, а может, и что-то совершенно невероятное!.. Но только бы он был жив. Одним словом, состояние ее близилось к бреду – она вспомнила, как однажды мучилась высокой температурой, мучилась от череды картинок, что проплывали перед ней; и мучилась оттого, что не могла придать всем этим сценам и сценкам хоть какой-нибудь сюжетный смысл; и все металась на кровати, то сминая и закручивая одеяло, то пытаясь его целиком запихнуть куда-то в бездну между ног, а то одеяло становилось спиной коня, которого надо было покрепче обхватить, чтобы взнуздать это ретивое существо, которое тут же превращалось в чудовище. Как это кончилось, она не могла вспомнить; теперь она прекратила все сама – разом, - широко открыла глаза и села на кровати.

Ребенок кряхтел и готов был уже заплакать: надо было им заняться –поменять *памперс*, покормить...

В комнату заглядывала Люда, что-то хотела сказать, но всякий раз не решалась – уходила, осторожно прикрывая дверь. Лена поглядывала в ее сторону с выражением раздражения, будто вчера между ними произошла ссора, а сегодня Люда пытается найти момент, чтобы произнести вслух свои извинения.

Когда Лена вышла на кухню, Люда предложила ей обратиться к ее мужу, если нужны "выходы" на милицию; добавила еще, что вчера вечером муж сказал о своей "готовности поучаствовать... финансами", если менты потребуют денег...

-Спасибо. Деньги у меня есть, – сказала Лена, впрочем, не грубо, без злости, даже немного смягчившись в голосе, в лице – особенно в глазах, взгляд которых приобрел немного растерянности, немного влажного блеска, как если бы из ее лица приготовили "лицемерное блюдо".

-А я могу посидеть с ребенком, пока ты будешь ходить по инстанциям...

-Да, спасибо, Люда, – теперь уже обреченно сказала Лена, а про себя четко определила, что действительно придется обращаться за помощью. И само собой пришла мысль об Алексее Дробыше.

Номер его домашнего телефона вспомнила легко, будто звонила часто; не задумываясь, набрала на трубке, дождалась знакомого голоса его матери, назвалась и попросила Алексея. Мать замялась, выдержала несколько секунд, возможно поначалу предполагая использовать ложь во благо сына, намереваясь сказать, что сын в командировке, или вообще не живет здесь, но почему-то отвечала, что сын уже на работе, – вероятно, уловила тревогу в голосе Лены.

-...А что, случилось что-то? – спросила взрослая женщина эдак между прочим, хотя и не без готовности посочувствовать, если надо будет.

-Да, Белла Иосифовна, мне нужна его помощь, – сказала Лена.

-Тогда вам лучше позвонить на его мобильник, – вдруг... заголосила звонко Белла Иосифовна – голос ее с настороженного и безразличного, глухого и слабого перескочил на сильный, будто она трансформировалась в возрасте; она, должно быть, выпрямилась, превратившись из согбенной старушки в молодую девушку, как бывает только в сказках про добро и зло.

Белла Иосифовна продиктовала номер своего сына, даже повторила разик, чтобы наверняка, а когда Лена спросила, работает ли Леша в той же организации, ответила:

-Да, конечно! Он уже подполковник... Начальник... - и четко назвала подразделение, которым нынче командовал ее сынок.

На том и распрощались.

Алексей Дробыш вначале молчал, когда Лена представлялась; вспомнил он ее быстро, легко изменился в голосе, сказал, что очень рад ее слышать, но в данный момент занят и перезвонит ей буквально через "пол часика". Время, которое он обозначил, потянулось как веревка из огромного клубка; Лена не могла думать, вспоминать, и только отдельные картинки всплывали перед ней, напоминая о тяжелой ночи. Хотя, нет, конечно же, эти картинки не были столь яркими, не были так сильно окрашены эмоциями – она просто вспоминала, как часто и как бурно они занимались сексом; вспомнила предпочтения Алексея, снова благодарила его, что он развил в ней скрытые способности, или, может, просто дал проявиться наклонностям, о существовании которых она могла бы догадаться только в зрелом возрасте. Спихватилась она, когда зазвонил телефон; обратила внимание, что самым значимым теперь было одно единственное желание – понятное и простое, как любой инстинкт... Может оттого голос ее стал глуше. И дыхание участилось; а еще она подумала просто так, между прочим, что если Сергей сгинул, она сможет снова легко встречаться с Алексеем - с Лешкой...

-Ленка, я очень рад, что ты меня вспомнила, наконец. Ты ведь замуж вышла!

-Да. Я как раз по этому поводу и звоню, вернее..., ну как бы это... Короче, муж мой пропал. Ну, в смысле, второй день не ночует. Ладно, я бы прикинула, что он там где-то загулял. Но тут такое... обстоятельство есть одно: он поехал продавать машину, и пропал. Вот и все.

-Морги, больницы обзванивала?

-Ой, нет, – искренне удивилась Лена, – я как-то совсем не догадалась...

-Давай так договоримся, Леночка, ты сядишься сейчас за телефон и обзваниваешь все больницы города и все морги... А вечером мы встретимся. Ну а если объявится, все равно мне позвони! Я очень рад тебя слышать снова. Теперь остается только увидеться, так ведь?

-Да, конечно, – отвечала Лена, с трудом удерживаясь в печали, потому что так вдруг захотелось... *оторваться*, забыть про все, что было связано с Сергеем. Как хороша и беззаботна была жизнь до того?! Зависть к замужним подругам толкнула ее на брак, будто это было соревнованием и она проигрывала...

Вечером они встретились. Дробыш сидел в своем джипе, смотрел по сторонам: естественно, что обратил внимание на красную машину, которая припарковалась недалеко от него; дождался, когда из этой машины выйдет водитель – он меньше всего ожидал увидеть Лену, которая, когда выпрямилась и встала рядом с приплюснутым авто, показалась очень высокой. Что-то такое приятное, щекощущее шевельнулось в его животе, он заулыбался и соскочил со своего "высокого поста" – джип был большим, "маститым" – не уступил бы ЗИЛУ, остановись тот рядом. Ну, и она его заметила: так оба и пошли навстречу друг другу с улыбками на лицах. А дальше было все как в кино, когда два человека играют роль влюбленной парочки. Дробыш умудрился за эти несколько минут не только произнести много приятных слов, но и облапить ее, то держа под руку, то за талию, то всей ладонью проведя по спине, якобы направляя к своей машине... Лена ощутила себя на ампуле кинозвезды в Каннах; разыгрываемая роль позволила ей быстро забыть обо всех тревогах, так что в последующем ей оставалось только иногда исполнять предписанную роль огорченной женщины, делая это по-своему плохо: ее глаза блестели от смятения в чувствах, она внимательно слушала Дробыша...

-...Так что тебе ничего не надо будет делать. Просто *проплати* их работу и они быстренько найдут твоего пропавшего мужичка, если что случилось. Ну, короче, если завтра он не объявится, встретишься с человеком, передашь деньги, и тогда они займутся. Сумма небольшая – всего-то десять тысяч американских. И сиди дома и жди. Слушай, ладно с этим, все само решится. Может, Ленка, оторвемся сегодня по полной?.. – при этих словах он придвинулся к ней близко.

Они сидел в его машине с сильно тонированными стеклами; Лена знала, что можно было прямо сейчас и здесь поддаться своему влечению, но ей хотелось забвения, которое может наступить только если растянуть удовольствие на долгое время, да так, чтобы до изнеможения. Она посмотрела в его глаза, вдохнула запах его парфюма, вспомнила разом прошлое, и он вспомнил, как она умела "отрываться",

заулыбался как пацан, которому удалось стащить у отца порнографический журнал. Обоим очень захотелось поцелуя – не сговариваясь, они набросились друг на друга.

Потом он завел мотор и, разворачиваясь на дороге со всеми мыслимыми нарушениями, промчался мимо Красной машины. Она глянула на нее, будто прощаясь с прошлым – со всеми надеждами, с ожиданиями, и с тем, что могло значить больше, чем просто воспоминание о человеке, с которым прожиты были годы, который явился отцом ее сына, и который однажды вдруг пропал, будто умер...

Он был уверен, что его фигура становится приметной в любом месте, потому что он себя считал высоким... Он шагал так, будто циркулем отмерял расстояние; непременно поправлял очки, то тыкая пальцем в переносицу, то аккуратно – за душку; поправлял волосы, не желая стричься коротко, хотя уже лысел; был одет из-под иголки – в светлый костюм из дорогого материала. А появившись необходимость составить фоторобот, любой бы вспомнил прежде его нос – большой, с горбинкой; нос, который не скрадывали ни очки, ни большая голова с волосами, готовыми начать виться, дай он им возможность вырасти чуть побольше; а он подстригался как раз вовремя, так что вроде и расчесываться надо бы, и слегка взлохмаченным можно быть – все одно под пуделя получалось...

Белые ночи прошли, а все же было светло в десятом часу. Сейчас он выделялся только тем, что ехал на своей большой и черной машине медленно – проползал мимо определенных мест на проспекте Просвещения, чтобы сквозь толстые стекла очков разглядеть проституток, чтобы найти либо кого-то из знакомых - апробированных резиновых кукол, либо поискать что-то новое.

...Приметил он худенькую, маленькую, с длинными черными волосами – вроде новенькую, как показалось ему. Она и "позиционировала" себя с явной неуверенностью – рядом с подружкой стояла слегка ссутулившись, немного даже отступив от тротуара. Когда он приспустил стекло, вовсе отошла, дав возможность коллеге

солировать. Развязная, с жвачкой во рту, ярко покрашенная и ох уж какая пахучая дешевым парфюмом шлюха нырнула под крышу его автомобиля, и оказавшись в чрезмерной близости, как ему показалось,дохнула на него перегаром вперемешку с чем-то гнилостным, болезненным; сказала скороговоркой таксу за два основных вида услуги. Игорь выбрал короткую услугу, что обычно предпочитал, но указал на подругу, которая теперь сиротливо ежилась позади. Вонючая шлюха жестом подозвала молоденькую, открыла дверь и девушка села рядом с ним – маленькая такая, кажется, совсем уж юная; не взглянув на него, уткнулась глазами в переднюю панель, напряглась, будто ожидая взбучки от этого дяди.

-Не в службу, а в дружбу, - сказала старая шлюха, - привези ее обратно. Ты же к железной дороге поедешь...

-Хорошо, – ответил Игорь и резво взял с места.

Весь этот короткий путь они молчали. Ехал он быстро, как если бы его приперло в туалет сходить. Остановились в давно примеченном месте, он стал спешно расстегивать брюки, ширинку, отодвинул сиденье; посмотрел на нее и невольно спросил о ее возрасте. Она ,конечно же, соврала. Он подумал, что его дочери повезло, что ей не придется в таком же возрасте заниматься проституцией. А вообще, уже на половине пути он даже хотел вернуть ее обратно, потому что подумалось вдруг, что такая молоденькая может исполнить все не так умело, как он привык, но все-таки решил попробовать прежде; решил, что если ему не понравится, он ее там и оставит, не заплатив ("крыша" у девчонок может и была, но вряд ли кто сунется, учитывая его машину, его *понт*, - подумал он). Однако же малолетка с такой ретивостью взялась за дело, так талантливо исполнила свою работу, что ему даже захотелось ее по головке погладить... В момент, когда дух из него чуть не выпрыгнул, он заорал как недорезанный поросенок, чем немного спугнул девочку: она застыла на секунду, но получив толчок в затылок, сообразила быстро, что этот клиент слишком эмоционален, либо она так ему понравилась; подумала, что, может, заплатит хорошо.. Когда она подняла голову, ей пришлось встретиться с маленькими глазами мужчины – такими мерзкими и похотливыми, а маленькими из-за диоптрий; ее удивило, что стекла очков были запотевшими так же, как стекла машины. Она улыбнулась... И он заулыбался, все-таки провел рукой пару раз по ее головке, как делал со своей дочерью, когда та в чем-то в его глазах

прославлялась; заплатил ей больше договоренного, а когда ехали, спросил, как ее можно вызвать напрямую – без коллеги по цеху. Девочка отвечала, что лучше домой не звонить – "там мама бухая", но договориться через подругу, у которой была мобильная трубка, можно.

-Диктуй номер, – скомандовал он.

Девочка скороговоркой продиктовала череду цифр, а он легко запомнил; взглянул на нее пристально, когда остановились у тротуара – напротив того места, где они совсем недавно стояли с подругой, сказал:

-Твою подружку уже имеют... У вас сегодня клевый день, да? Тебя-то как звать?

-Лена, - сказала девочка, вышла из машины и ушла прочь – в сторону дворов, во мрак, потому что уже начало смеркаться и под кронами деревьев, в глубине дворов все выглядело затушеванным, приглушенным.

Игорь смотрел ей вслед, прислушивался к своим ощущениям и думал, что с этой непременно надо будет еще раз *замутить*; еще он подумал – это уже потом, когда поехал домой, - что не зря депутаты протаскивали закон о снижении порога ответственности за педофилию; видать, многие из них грешат не только кокаином, но и сладострастием – тянет их к молодым, к маленьким, к чистеньким... душою. Разве в прошлом можно было такое помыслить; так и жили, стесненные не только в жилплощади, то и в помыслах. И захотелось ему запеть песенку, и запел ведь что-то из попсы, не имея ни слуха, ни голоса, ни памяти на слова... Так и пропел до самого дома.

Его встретили жена и дочь, двое сыновей, теща и кот. Он поставил машину во дворе *хрущевки* и пошел к подъезду, видя как из окна первого этажа машет жена – она не любила закрываться от внешнего мира занавеской. Он помахал ей, а потом его встретили: дочь полезла целоваться первой, потом жена; парни по-мужски протянули руки для пожатия, теща кивнула между прочим, по обычаю своему поглядывая на него исподлобья. Так встречали его всегда.

Потом его кормили на кухне. Попеременно заходили с разным поводом дети, он уделял им время; дочери разрешено было присутствовать до тех пор, пока мама не попросит уйти, чтобы поговорить с папой о чем-то взрослом. Тогда девочка покорно уходила, улыбаясь загадочно, зная, что он еще придет поцеловать ее на ночь.

Одним словом, все было как всегда, большего сказать об этой идеальной семье нечего.

-Ну что, анализ показал высокий процент платины? – спросила жена Яша.

-Да, – отвечал Игорь, – на этот раз все отлично. Отдадим долг...

-Лена звонила. Сергей исчез. Уже неделю как нет его. Поехал продавать машину и исчез. Пропал...

Игорь выразил на лице удивление, высказал банальную версию:

-Может загулял?

-Ага. На неделю! - возмутилась Яша – Так долго не гуляют...

-Смотря кто, смотря с кем, – неловко пошутил Игорь и наткнулся на ее взгляд – кошачий, даже, как ему иной раз казалось, со зрачком в щелку...

Яшой он называл жену давно – с самого начала. Они вместе занимались спортом, там и сошлись – в комнате для инвентаря. Она была похожа на подростка – фигурой, стрижкой; она и вела себя как мальчишка, хотя, на поверку, что была произведена в этой комнате для инвентаря, оказалась девушкой. У него получилась сразу его собственная производная от... Яны. Ему нравилось называть ее мужским именем – щекотало нервы, будоражило воображение. Она легко согласилась с новым именем, ей даже импонировала такая трансформация с самоидентификацией: вся прошлая жизнь – детство и отрочество - была сопряжена с тягостными переживаниями по поводу несправедливости, с которой природа отнеслась к ней. Ей надо было родиться мальчиком, чтобы доказать девочкам, что она лучше и сильнее, быстрее и красивее их всех, а получалось все с точностью до наоборот: она оставалась по всем известным параметрам девушкой, уступала во внешнем виде, проигрывала во времени, навсегда оставаясь позади – в последних рядах, но в команде. Бегала она так себе, но лучше, чем прыгала; тренер решил оставить ее в команде, все надеясь, что она подрастет... Она обманула тренера и себя – не выросла вверх, но начала увеличиваться в боках, с чем боролась невероятно – перестала есть нормально, соглашалась принимать всякие там пищевые добавки и препараты, разгоняла свой организм до невероятных проявлений, которые давали лишь надежду на лучший результат. И кто знает, чем бы все кончилось – смертью или истощением, если б она вдруг не забеременела. Естественно от Игоря, и конечно же за пол года до

решающих соревнований. Спорт пришлось бросить, Игорю пришлось узаконить их отношения, чтобы не сесть на скамью подсудимых за растление малолетней, ну а дальше пошла штамповка детей – ей все казалось, что он ее бросит на произвол судьбы, а с каждым ребенком ей все больше верилось, что груз ответственности, что гири на ногах, помогут ему оставаться на месте – рядом с ней, в семье, в квартире, которую "выбила" мама. Рано овдовевшая мать молча соглашалась со всеми выкрутасами дочери, прикидывала, что вместе они смогут поднять троих, если что... Короче, семейка эта устраивалась как могла, Игорь приспособился как мог, а все вместе они существовали за счет Игоря, который возил из одного известного северного города отходы производства, в которых содержались драгметаллы, сдавал крупным посредникам, а те переправляли на запад; Игорь получал свои деньги... Он был счастлив, когда "шлам" и "катализатор", которые он привез в прицепе за много сотен километров, содержали высокий процент дорого... металла, строил планы, тратился на семью, на свои утехы... Иной раз думал, как бы сложилась его жизнь, не окажись он так рано в роли отца семейства, и приходил к выводу, что очень скучно...

-Но я все равно долг Лене верну, – сказал он Яше, предполагая ход ее мыслей.

-Теперь можно с отсрочкой, – согласилась она.

-Яша, зачем это? Всего-то тысяча баксов... Ей сейчас деньги очень нужны, - менты за так искать не будут.

-Никто никого искать не станет, – решила здраво Яша. – Деньги возьмут, а искать не будут. Вон у Кирюхи когда сына похитили, сколько они затребовали?! И что в результате? Ребенка так и не нашли, бандитов не поймали, хорошо он на встречу не пошел – не понес выкуп. Так бы и выкуп сперли. Менты бы и сперли... Или я чего-то не знаю?

-Ты что-то путаешь! – занервничал Игорь, – он к ментам пошел, когда понял, что его наказывают. Они не собирались возвращать ребенка. Он знал от кого это идет, но тот человек уже давно жил в Испании – с него взятки гладки. *Нехрен* было кидать... в свое время. Вот и поплатился своим ребенком. А к ментам пошел, чтобы зад свой прикрыть. Чтобы на него ничего не подумали, чтобы жена его к отцу не пошла. Там же все ее отец помогал, благодаря ему Кирюха пробился в бизнесе - это вообще был целиком бизнес ее отца. А он и это профукал, и друга умудрился кинуть...

Что-то нехорошее он усмотрел в лице Яши, потому припечатал свою реплику сомнением – сказал тихим голосом, смиренно отведя глаза в сторону:

-А может и не совсем так все было, кто его поймет...

В этой истории была замешана еще и одна особа, с которой, как предполагала Яша, путался в свое время Игорь. Это она тогда отвела его в сторону; кто знает, не оказался бы на месте Кирюхи Игорь, если бы не тот скандал, который она устроила ей, выведав номер, а потом организовав встречу...

-Да и хрен-то с ними со всеми! – сказала Яша. -Тебе кофе или чай?

-Чай лучше... Хотя – нет. Давай кофе. Я от него хорошо засыпаю. Сегодня устал очень... - и он состроил на лице гримасу несчастного человека, затем полез в карман и вытащил пачку денег, передал жене.

Яша была на седьмом небе – из глаз ее будто брызнули искры, когда она брала деньги себе, но на лице она состроила гримасу смирения, какую иной раз можно видеть на лицах прихожан из числа правителей страны, когда они предстают перед церковным алтарем, всевышним и камерами от СМИ...

-Ты Лене-то позвони, она хотела с тобой поговорить...

-Хорошо. Принеси трубку... - согласился Игорь.

Узнав кто звонит, Лена затараторила сразу, что ее "буквально обманули", что старый знакомый свел ее с московскими ментами, сказал, что это "реальные люди", а те взяли предоплату, провели какую-то "предварительное расследование", что даже на уровне Московской прокуратуры были задействованы люди, а в результате ее же обвинили в "фальсификации какой-то". То есть получалось, что она не поняла ничегошеньки – где ее муж и в чем заключается ее "фальсификация".

-...Ты понимаешь, ну хотя бы что-то сказали. Я им десять тысяч баксов отвалила, а мне в нос – на-ка тебе, "фальсификация"! У меня муж реально пропал, а у них... фальсификация!

-А этот твой знакомый, который посоветовал москвичей...

-Да тоже *фуфло* какое-то! – не дала она Игорю закончить предложение. - Пропал, вернее – не отвечает на мои звонки.

-Так, может, всю десятку он себе взял...

-Игорь, я сама не знаю... Запуталась... Что делать?

-Ладно, я подумаю... - по-мужски уверенным голосом сказал Игорь.
– Есть один человек, попробую его подключить...

Когда закончил разговор и отложил аппарат в сторону, сказал:

-Ее на деньги развели, дуру эту!

-Я все поняла, – с умным видом кивнула Яша.

-Слушай, может ей пообщаться со Смирновым Максом? Ну, чтобы ничего такого не вышло, я через Лешку выйду на него, ну, будто просто проговорился, будто не имею никакого отношения. Вот, попросили меня, - надо человеку помочь, я и взялся.

-А ты Лешке скажи, что он сам сможет срубить немного *бабла*. Он же вечно без денег ходит! – рассуждала Яша вслух.

-Нет, этот баран не впишется. Сделаем проще – он лучше знает Максима, пусть договаривается, а потом получит процент – своего рода бонус.

-Можно и так, – легко согласилась Яша: ей не терпелось уединиться, чтобы заняться приятным делом, очень приятным – посчитать деньги, сложить их аккуратно, потом приложить к другим пачкам, стянуть резинкой, а увесистую пачку зачем-то завернуть в материю, потом в полиэтиленовый мешок, и сложить все в самый настоящий тяжелый сейф, прикрученный к полу, задрапированный под мебель – в углу комнаты, рядом с их кроватью.

Это поутру она станет думать, проснувшись раньше всех, почему Игорь хочет помочь Лене? Яша привыкла к мысли, что женила на себе Игоря; она всякий раз прежде рассчитывала, насколько велик риск, когда предполагала очередную измену, а потом, следуя своей интуиции, закрывала глаза на очевидное, или попросту отворачивалась, отдавая ему свободные права на всякую, кто увлекал его. И пока всякие его телодвижения в сторону заканчивались позой смирения, он, не понуро, но возвращался-таки в объятия своей жены, радуя ее ласками крайне редко, отчего, была бы ее воля, она и вовсе бы отказалась, таким образом ограничив риск заразиться снова какой-нибудь дурной болезнью, а еще и избавляясь от частых его притязаний на эксперимент с использованием не предназначенных для полового акта вместилищ в человеческом теле. "Нет, конечно же! – решила она. – Лена не может быть опасной соперницей. Если он соблазнит ее и они в счет его долга поозорничают, из этого будет только выгода, ну а если просто так, без прощения долга, то, во всяком случае, ему будет легко договориться, чтобы отложить срок платежа... И кто сказал, что теперь нужно отдавать

деньги, когда у нее уже нет мужа? Это Серега мог не на шутку разбушеваться, а эта овца без него – пустое место!"

...Поскольку Яша была спросонья, она не заметила, не "услышала" свой внутренний голос, не ужаснулась когда подумала, что муж Лены умер! Откуда такая уверенность?! Это были не желание и не фантазии; она была абсолютно уверена, будто знала что-то. Ей даже привиделось, что труп Сереги, засыпанный землей, уже начал разлагаться!..

Не желая проснуться окончательно, она ближе придвинулась к своему мужу, крепко прижалась, отчего он проснулся, спросил:

-Что с тобой, что случилось, Яша?

-Он умер. Его убили, – сказала Яша.

Игорь быстр сообразил, о чем это она. Он давно уже смирился с некоторыми особенностями своей жены: перестал злиться, если в ее руках взрывалась бутылка из-под кока-колы, орал на нее, когда машина не заводилась – это когда у исправного автомобиля вдруг выключалось все электричество; орал и требовал, чтобы она прекратила это делать, а она, опустив голову, извинялась, как-то с собой договаривалась, и спустя пару минут.., ток *легко начинал бегать по проводам*. Не удивлялся, когда дети выздоравливали быстро после того, как мать их – жена его – полежит с ними рядом, приласкает. Еще о многом таком необычном он иной раз рассказывал своим знакомым, называя свою жену ведьмой. (Однажды надо было контрабандой перевести большую сумму денег; ехали вдвоем с парнем, волновались очень, прикидывали, сколько придется отдавать взяткой, чтобы таможенники пропустили. А Яша попросила уложить деньги таким образом в сумку, каким они будут провозить, но без остальных вещей – шмоток, книг и другого барахла. Потом Яша сидела с полчаса над этой "инсталляцией" и просто смотрела на дно сумки. На границе таможенник все-таки влез в сумку, вытащил вещи, отогнул дно и уставился на деньги. Игорь похолодел, хотя внешне оставался невозмутимым – лишь очки запотели, а напарник в это время был отвлечен разговором с другим таможенником, который шерстил его вещи... Так вот тот, который обнаружил пачки денег, вдруг замер будто в кататонии, постоял так несколько секунд, потом молча закрыл чемодан и перешел к следующему пассажиру. Вот после этого Игорь *зауважал* Яшу и теперь иногда ласково называл ее ведьмочкой.)

-Ты все-таки думаешь, или как-то по-своему знаешь, что его убили?
– переспросил Игорь.

Яша решила окончательно проснуться - открыла глаза, заморгала часто, потом приподнялась на локте и увидела в темени, что Игорь лежит с открытыми глазами.

-Да. Я видела его в земле... Он уже гниет...

Оба примолкли, она снова прижалась к нему... И ему стало спокойно, легко: он вспомнил Киску (они так дочь называли), вздохнул всей грудью; жаркая волна обдала его с живота до головы, он засопел и полез на жену. Яша не сопротивлялась, подумала, что потом заснуть будет проще.

(Девочке (Киске) уже исполнилось тринадцать, но как стал он ее укладывать с детства спать, так оно и продолжалось по сей день. Обычно девочка ждала его уже в постели: он заходил в комнату и закрывал дверь. Через полчаса с видом человека утомленного, довольного и счастливого, с запотевшими стеклами очков, он появлялся на кухне и принимался пить чай, либо делать звонки.

Пацанами он редко интересовался, только если требовали мать или теща, когда надо было пострадать за какую-нибудь провинность. Впрочем, такое случалось крайне редко. Парнями занималась Яша, причем очень даже успешно, так что они хвостиком готовы были ходить за ней, выполнять все ее приказания и просьбы; они могли все втроем смотреть фильм с ее пояснениями, при этом, заласканные матерью; оба крепко прижимались к ней.

Когда весь дом укладывался спать, и даже теща уходила в комнатку дочери, они – муж и жена – оставались на кухне: любили смотреть порно, попивать ликеры разные; потом уходили в свою комнату и запирались. А за закрытой дверью чаще просто раздевались и ложились спать: оба, пресыщенные любовью и ласками, общением и обязанностями, засыпали быстро. И Яша была уверена, что от такого семейного счастья мужчины не отказываются – во всяком случае, ее Игорь уж точно!..)

Игорь наметил встречу неподалеку от своего дома, пошел пешком и несколько минут стоял у кафе, думая-гадая, подъедет Лешка вовремя, или, как всегда бывало раньше, непременно опоздает. Он решил, что опоздает и пошел было в кафе – распахнул дверь и прямо нос к носу столкнулся с Алексеем. Тот заулыбался и тут же спохватился, попридержал эмоции, чтобы выглядеть солидно – по-взрослому. Они прямо на пороге пожали друг другу руки, потом, чтобы не поругаться, памятуя о какой-то древней примете, не отпуская рук, прошли вовнутрь:

-Я там столик занял, пошли, - сказал Леша.

Занимать было нужно, потому что это помещение собирало всю живущую поблизости *голоту*, как мух собирает дерьмо. Здесь продавалась палёная водка, здесь пахло невымытыми телами и перегаром, сыростью и чем-то еще, что было привычным, что можно было унюхать на овощебазах, в подвалах и в моргах. Но эти двое не замечали ничего особенного – кое с кем даже поздоровались издали, и словно нырнули в омут: сели за столик, оказавшись по соседству с другой парой, которой тоже надо было пообщаться, и даже, может быть, тоже по какому-то делу. Таким образом получалось, что за столиком в углу, приблизившись головами друг к другу, сидели люди, говорили громко, чтобы перекричать гомон, пили пиво, грызли воблу, курили, отстраненные от всего внешнего живой стеной мужичья, впрочем, не без редкой примеси из грязных пропитых женщин. Было уютно – чувство солидарности появлялось быстро, и росло потом с каждым бокалом, становясь особенно приятным, когда глотку вместе с пивом начинала пощипывать водка – ее можно было пить отдельно, а лучше – коктейлем – в пиве.

Игорь решил сегодня слегка выпить, Леша пил редко, но предчувствуя заработок, готов был пить до головной боли.

-Как дела, Леша? – спрашивал Игорь, отлично зная, что дела у Лешки могут быть криминальные, полукриминальные, *полудурные*, или никакие.

Леша пожал плечами, сделался жалким, даже ссутулился и отвечал что-то членораздельное, но непонятное: из его рта произошло какое-то мычание, бляение, хотя и похожее на человеческую речь.

Игорь не стал разбирать слов, обрадовался, что к ним подошла девушка с бокалами; от водки отказался, и взглянув на неухоженные усы Лешки, - вперившись в эту растительность на лице человека, заговорил:

-Тут такая штука. У тебя ведь ходит в корешах бывший мент?

-Ну, в общем да, но смотря что надо.

-Тут такое дело, братишка. У одной бабы мужик пропал. Поехал машину продавать, и пропал. Нет его уже больше двух недель. Наверное, грохнули мужика. Баба его хочет найти убийцу, она потом, может быть, и наказать захочет убийцу. Понимаешь? Но, все-таки, больше хочет узнать, кто? Кто убил мужа? Понимаешь?

Леша кивал, быстро стал соображать – его пороссячи глаза забегали, округлое лицо толстячка напряглось; стало ему интересно, что можно будет втянуть Смирнова Макса в это дело, да чтобы с приработком для себя получилось. Он уже прикинул один *вариантик*, а по опыту знал, что все остальное лучше делать по ходу, наблюдая за собеседником.

-...Тут она уже обратилась к кому-то из своих знакомых, - продолжал Игорь, - тот с нее снял десятку баксов и *прокатил*. Ну что, соображаешь, как можно твоего знакомого подрядить?

-Есть вариант, – сказал Леша и изобразил на лице гримасу улыбки; он вообще умел изображать на лице все, что угодно, лишь бы вписаться в общение, лишь бы оставаться понятным для собеседника, подельника, начальника, чтобы только не догадались иной раз, что он не имеет никакого варианта, или чтобы не заподозрили в нем обыкновенного пройдоху.

Как-то сложно у него все складывалось в этой жизни - что до отсидки, что там на зоне, что теперь – после всего того кошмара, который пришлось пережить, хотя, вспоминая нынче прошлое, он иной раз видел все не в таком уж мрачном свете; в любом случае, он нашел свое место на зоне, став подручным у одного авторитета, хоть и после многих унижений.

-И что за вариант? – спросил Игорь.

-Да я просто забью ему проценты. Тебя светить не будем. Ты же не хочешь с ним связываться?..

-А почему? – быстро сообразил Игорь, – чего мне бояться?

-Ну мы наш процент пополам поделим? – имитировал Леша уступку.

-Нет, давай просто сделаем: вытащим его на разговор, а там по цифрам и решим. Он же сыщиком где-то работает...

-Да не совсем так, - решил Лешка высказаться пооткровеннее, – он мне как-то говорил, что сам по себе бегаёт, чтобы ни от кого не зависеть.

-Да *пофиг!* – отмахнулся Игорь, – давай прямо сейчас с ним поговорим!

-Так я ж не знаю, где он.

-У тебя есть номер его трубки?

-Ага, у него есть трубка, – отвечал Леша, – он с трубкой ходил ещё тогда, когда они были только у бандитов... Ну так он и был бандитом, когда уволился... Правда, он не *быкует*... Но номера его сейчас я не скажу – дома записан...

-Ну так когда встречаемся? – перебил Игорь Лешу, уже не скрывая раздражения и, главное, своего отношения к этому гопнику.

-Я тебе позвоню...

Тут Игорь понял, что сморозил глупость. Он не продумал комбинации и просто пошел на разговор с этим Лешей, позабыв, что тот нечист на руку и во всех случаях готов украсть, обмануть, сподличать. Надо было по телефону договориться о встрече со Смирновым. Зачем нужна была эта встреча?

Игорю стало совсем уж неприятно, потом противно; показалось вдруг, что люди разом заговорили громче, даже в ушах зазвенело; он встал и пошел прочь. За ним засеменял толстяк Леша. Игорь расплатился за стойкой, и на улице они разошлись поспешно: просто пожали друг другу руки и договорились, что завтра встретятся снова, теперь уже в компании со Смирновым.

Домой к себе Леша зашел гоголем – раскрыл дверь нараспашку, долго возился с обувью, дождался, пока в коридор выйдет сожительница – женщина обыкновенная, из тех, что вспоминают о своей внешности по праздником да перед гостями, которые, следуя традициям рода, свербят и будоражат в мужчине чувство неполноценности, а потом требуют состоятельности, смирившись с мыслью об участии пусть старой Золушки, но не старой монахини.

В каком-то задрипанном халате, непременно с пятнами на груди и на животе, она встретила его с лицом старухи, однако же спохватилась быстро, углядев в поведении своего сожителя повадки... самоуверенного мальчика, которому дали во дворе покататься на чужом велосипеде; а еще заметила, что он оставил дверь открытой, а значит "напустит" комаров, которые кишели в подвале дома во все времена года.

-Дверь закрывай, Леша! Сколько можно говорить – закрывай дверь! Или надо все время повторять, что дверь надо сразу закрывать, когдаходишь, чтобы потом ночью не чесаться, не бегать за вонючками от комаров... Ты как, дурак? или с роду так?

-Да пошла ты! – легко парировал эту напасть Леша.

Он встал во весь свой маленький рост, они посмотрели друг другу в глаза и тут она узрела надежду в наглости парня, - для себя надежду, что в наглости своей он прячет приятную для нее новость, иначе бы тушевался, поспешно бы прикрыл дверь, молчал бы, принимая привычный выговоры как приглашение пройти в жилище.

Леша не имел своего жилья; несколько лет назад прибился как приبلудный пес, а право на еду заслуживал непредсказуемыми, но не так уж редкими случаями приработка, после чего на столе могли появиться ветчина, колбаса, булочки, торты, ну и водка подороже. Эти двое изредка баловались водкой, а после попойки непременно ругались – делали это зло, с остервенением; а не доходило до убийства или мордобоя только лишь потому, что в прошлом оба побывали в действиях весьма и весьма яркого вида, когда после разборок остается много крови на полу и стенах, а на теле – ссадины, гематомы, порезы... Встретятся они лет десять назад, непременно бы забили друг друга до смерти, то ли памятуя детство в богом забытой глубинке, то ли подчиняясь власти своей генной памяти... У Леши мать напивалась до чертей и гоняла по двору его самого с отцом вместе. Однажды таки зашибла пятилетнего Лешку – огрела по голове чем-то тяжелым, и из него дух вылетел. Испугалась, запричитала, хотела свалить все на отца, но растерялась, когда увидела что есть свидетель ее буйства – соседка. Мальчика отвезли в больницу, а оттуда в морг. Ее – в отделение милиции, где она выла как зверь, пока не заснула мертвецким сном. Дело было в районном отделении, в этот день по случаю какого-то праздника, "квасили" все. Потом, поутру, когда работник морга - Никитич - пришел на работу, когда стал отмывать от крови и дерьма (ребенок обделался) трупик пятилетнего мальчика, этот мальчик ожил... Его принесли в палату, врач осмотрел воскресшего, и устно диагностировал, на всякий случай, ушиб мозга, а когда позвонили из милиции за заключением, сообщил, что мертвец ожил. (Отец, прознав, что сын живой, поскакал в отделение высвобождать жену.) Мать утром, когда ей рассказали, что натворила в прошлую ночь, не успела расстроиться, поскольку тут же

стало известно о воскресении ребенка. Тогда она решила продемонстрировать всем свои намерения покончить с этой жизнью, стала даже биться об стенку камеры предварительного заключения, уверять всех, что непременно покончит с собой, как только пойдет по этапу. Ее быстренько отходили дубинкой, да и руками не побрезгали; она успокоилась, снова уснула, а когда *менты* договорились с мужем, что *заявы* не будет, что он берется довести ее до дома, на всякий случай оставили ее до вечера, пока из больницы не будет увезен ребенок. Ни в клинике, ни в милиции никаких документальных следов об инциденте не осталось – кому это могло быть нужно?!

А Леша помнил что-то страшное и странное из прошлого; может быть потому не смог учиться - не получалось у него запоминать прочитанное, не получалось читать и понимать прочитанное, не получалось вообще долго фиксировать внимание на строках текста в книге... И все-таки он набрался элементарных знаний и представлений о знаниях более сложного порядка, пока сидел на уроках и слушал; его не трогали, ему ставили оценки чтобы довести до восьмого класса; все знали, что ничего путного из парня не выйдет, что, в лучшем случае, он попадет на нары за свою изворотливость, склонность к подлости, вообще – за какую-то патологическую тягу к воровству. Так оно и случилось – попался он на грабеже и отсидел свой срок. Зону помнил лучше, чем детство; особенных переживаний по этому поводу не имел – считал, что ему повезло, когда под свое покровительство взяли зеки постарше; взяли опекать и направлять молодого отморозка за способность исполнять команды, хоть и не самые злые, но и небезобидные. Он без усталости творил пакости, зная, что если не переусердствовать, то и наказан никем не будешь: можно было провоцировать конфликты, и делать это искусно, можно было сливать информацию администратору, и делать это под контролем своего хозяина... Так прошли годы, а когда вышел на волю, новая жизнь с возможностью легко воровать и "делать бабки" пришлось ему по вкусу.

Смирнов Максим сам вышел на Лешу, когда еще работал в должности начальника отдела; он сделал его своим стукачем, на что Леша пошел с удовольствием, прекрасно зная, что придется делать, и что можно получить от такой сделки. Однако, все менялось быстро - Смирнов уволился, а прежде спросил, хочет ли он – Леша – оставаться в аппарате негласных помощников? Леша не отказался, но спросил,

сможет ли быть полезным Смирнову на его новом поприще? Почему нет, если новым делом для себя Смирнов выбрал сыскное дело в частном порядке. Так и остались они хорошими знакомыми, хотя сблизиться до дружеского Леше так и не удалось – как-то высокомерно вел себя Смирнов, или просто не любил свою работу, - думал Леша. Очень хотелось представить Смирнова неудачником, а больше – помочь недругам Смирнова, чтобы поставить этого выскочку на место, если бы не страх перед ментом, и если бы он точно знал, кто точит ножи на бывшего оперативника.

А вообще, мозги Леша иногда сворачивало набекрень, и тогда он начинал мечтать о чемоданчике с деньгами; смотрел фильмы про гангстеров, с трудом унимал бешенную скачку сердца, когда переживал за героя, хотя наверняка знал, еще не привыкнув окончательно, что во всех американских фильмах бывает "хеппи энд", и мало думал о том, насколько радость от чужой подлости может завораживать...

А жене, когда она его угостила ужином, он рассказал, что нашел-таки дело, которое позволит заработать денег – не больших, но и не малых. По этому поводу она предложила немного выпить, но он отказался, потому что должен был звонить Смирнову.

-Так позвони ему, а потом посидим... уютно, – настаивала она на своем.

Он прикинул, что так можно; решил договориться о скорой встрече, даже думал вначале переговорить со Смирновым так, чтобы забить свой процент...

Смирнов ответил сразу, будто стоял у аппарата.

-Максим, здравствуй, это Леша.

-Да, понял. Говори, чего у тебя? – ровным, безразличным голосом отвечал Смирнов Максим.

-Надо бы встретиться...

-Кому надо?

-Ну, - осекся Леша, – у меня тема есть.

-Если не надо кого-нибудь мочить, тогда можно и по телефону, – то ли шутил, то ли... не шутил Смирнов...

-Да нет, конечно же. Там мужик пропал, похоже грохнули его. Поехал машину продавать, и пропал.

-И что тут такого? – цинично реагировал Смирнов.

-Баба его готова *проплатить* тому, кто найдет.

-Труп? Ей нужен труп? Или речь идет о расследовании? – похоже, Смирнов для себя уточнял.

-Наверное, и то, и другое. – поспешил ответить Леша.

-Точно бабки у нее есть?

-Да.

-Организуй завтра встречу.

-Ладно, я позвоню. Я только хотел спросить, а сколько я с этого получу?

Смирнов отвечал тут же:

-Откуда я знаю? Как я могу сказать, если еще не было никакого разговора по деньгам. А чего ты волнуешься, разве я тебя кидал когда-нибудь? – тут в голосе его прозвучал металл, так что Леша осекся и поспешил заверить, что нет, хотя, конечно же это было не так.

Тогда Смирнов поспешил закончить разговор:

-Завтра во второй половине дня позвони по телефону, – он продиктовал номер, – договоримся конкретно.

-Максим, там еще один человек есть...

-Это твои проблемы, Леша! – резко ответил Смирнов. – Все, бывай! – и последовали гудки.

Леша посидел с минуту с трубкой у уха, потом сказал так же резко – в манере Смирнова: "Короче, я понял! До завтра!", и положил трубку.

Его женщина хлопотала у плиты и он видел ее спину. Когда разговор прекратился, она обернулась к нему, спросила:

-Ну что?

-Договорился, – отвечал мужчина.

-А что за дело-то?

Леша закурил, тяжело поднялся с табурета, подошел к окну; помолчал в глубокомыслии, затем повернулся к своей женщине и сказал:

-Да, фраера одного грохнули! Теперь *евоная* баба пристала, типа, надо помочь найти убийц. Говорит, Лешка, менты ничего не могут, а у тебя связи такие, помоги! Ну как откажешь? Жалко человека. Ну, я ей говорю, деньги на все нужно! А она мне – нет проблем!

Женщина Леша посмотрела на него пристально, спросила:

-А у тебя с ней...

-Да ты чо?! Да она путана обыкновенная, ты чо! Ты же знаешь, я брезгаю таких!

-Ну-ну... - многозначительно проговорила женщина и отвернулась от сожителя. В ее жизни было много мужчин, дети росли, познав много больше, чем следовало бы; они не любили мордобоя и пьяные разборки, ненавидели каждого нового "дядю"; всегда притворно улыбались и быстро уходили в свою комнату. Два парня росли волчками, хотя из таких потом не получаются волки, - скорее, паршивые дворняги. Или же, попав в стаю шакалов, во дни лихолетья, они, бывает, перенимают повадки матерых зверей, врываются в обиталище чужой стаи, загрызают за компанию какого-нибудь тузика, и остаются там же, называясь олигархом, или, при каком-нибудь небожителе от своры вырожденцев – слугою.

Сожительница догадывалась, к кому обращался Леша. Она бы хотела иметь такого мужчину, а не Лешу, но получались у нее только леши, как у двоечника – двойки. Думала, видать, такова судьба у нее, а может кто сглазил в прошлом – не ее сглазил, а мать ее, на которую сама была так похожа.

Легче было в тайне от себя же самой ненавидеть всех, кто является конкурентом по одному только факту своего существования. А что может быть слаще в этой жизни чувства собственного достоинства, взращённого на почве гнева и ненависти, страданий и боли, мытарств и обращений к богу с извечной просьбой о помиловании, с молитвой о наказании за несправедливость, с надеждой на лучшее – исключительно на чудо?

Следующий день с самого утра наметился пасмурным: небо заволочло так, что к полудню сомнений не оставалось - пойдет дождь. Уже подул прохладный ветер, запахло свежестью, а ливня, или хотя бы первых капель, не было. И все началось в тот момент, когда эти трое дельца встретились.

Первым пришел Леша, тут же из магазина напротив вышел Смирнов Максим, ну а спусти минуту- не более, - достойно неся свое

тело на длинных ногах, в костюме и в с очками на носу нарисовался Игорь.

-Мы ждем заказчика? – нервно спросил Смирнов, подняв пару раз голову к небу, будто сверяя с действительностью свои ощущения – капли попадали на лицо, на руки; по величине их можно было легко догадаться, что это будет не простой дождик, а ливень; надо было искать навес или помещение какое...

Леша не успел ответить, как вмешался Игорь:

-Ну, вначале надо бы договориться, посвятить вас в суть дела...

-Суть дела станет понятной когда я поговорю с клиентом, – легко парировал Смирнов, впрочем, не глядя в сторону Игоря, будто игнорируя его, с самого начала не приняв этого человека в "команду".

От Смирнова не ускользнул тот быстрый взгляд, который бросил в сторону Леша Игорь; понятно было, что речь может идти только лишь об интересах, и не о чем-то другом – не о каком-то там "заговоре с целью вовлечения" его – Смирнова – в какую-то авантюру под "патронажем" официальных структур. Наконец, между прочим, Смирнов понял, что именно вызвало отвращение к этому Игорю в костюме и в очках: такие как Игорь для него – Смирнова – были более отвратительны, чем обычные преступники примитивного склада. Потому, что олицетворяли все самое лживое и подлое, чем славилось нынешнее время перемен, когда людей стадом переводили из одного стойла с более-менее привычным образом жизни в другое – похожее на резервацию индейцев. Вообще, такие люди как Игорь, думал Смирнов, способны легко творить подлость и говорить слова о справедливости, добродетели, как маньяк мог быть олицетворением добра в глазах окружающих и олицетворением зла – для своей жертвы.

А может у Смирнова просто настроение было плохое... после вчерашней попойки?

-Где *терпила*, или заказчик... Где? – спрашивал Смирнов, обращаясь исключительно к Леше. – Или мы будем стоять под дождем?

Леша засуетился:

-Так может сразу к ней и поедем? Это – знакомая Игоря...

Смирнов посмотрел на Игоря – нехорошо как-то, в самые зрачки, как это свойственно бывает людям его профессии, в которой прежде следует видеть в человеке преступника, потом гражданина с его правами и обязанностями, затем клиента с возможностями; или можно наоборот...

-Мы с тобой, Леша, о чем договаривались? – спросил Смирнов с многозначительностью в голосе.

-Так я же говорил... - заблеял Леша, искренне недоумевая.

-Игорь, - перебил его Смирнов, - я понимаю, о чем вы беспокоились и зачем вы пришли на встречу. О собственных интересах вы, пожалуйста, договаривайтесь с заказчиком. Я оказываю услугу Заказчику, а не вам и не Леше. Поэтому, если тема, после того что я сейчас сказал, остается актуальной, мы сегодня встречаемся с клиентом. Или же разбегаемся и больше не компостируем друг другу мозг.

Леша притих; выглядел он растерянным, немного смешным, потому что походил на двоечника, которого выпорол отец. Игорь пытался сохранить вид человека значимого, серьезного, и, может быть, оттого сильно хмурил брови; но не контролировал рот, который теперь приоткрылся будто дверца шкафа, что в спешке не прикрыли плотно, отчего этот мужчина смотрелся как растерявшийся либерал, или как мальчик наложивший в штаны, и в страхе ожидающий, когда это учует кто-то еще.

Пауза бы затянулась чрезмерно, если б Леша не спохватился и не сказал просто так, чтобы издать звук:

-Наверное, лучше сделать так, как надо бы...

-Звоните, парни! – сказал Смирнов, и не прощаясь, просто ушел. Ушел в дождь...

Оба стояли и пару мгновений смотрели ему вслед – видели как раскачивается он при ходьбе; спохватились, когда он побежал. Сами рванули по козырек у дома.

Игорь между прочим отметил для себя, что Смирнов был одет просто и не с шиком, хуже, чем мог бы, наверное, а Леша видел ускользающий шанс запросто заработать – сколько бы там не вышло, но заполучить деньгу до следующего удачного раза...

-Давай стыковать его с твоей знакомой, – сказал Леша Игорю, на что тот, как замороженный все еще глядя в сторону ушедшего и уже исчезнувшего из вида Смирнова, отвечал... кивком.

-Мне уже плевать, что я получу... - сказал он вслух, между тем подумав, что есть шанс и у Лены выклянчить благодарность.

-Договорись с ним на вечер. Может прямо к ней поедem, - сказал Леша.

...К ней и поехали. Хорошо, что погода стояла прохладная и в пробках было легко стоять. Весь путь молчали и только проговаривали вслух замечания по поводу того или иного водителя, который чем-то привлекал внимание; так и доехали до красной машины – она выделялась во дворе среди остального автохлама, в ту пору наводнившего улицы города как опавшие в сезон желтые листья. Леша засмотрелся на спортивное авто, и вдруг высказал догадку:

-Это ее тачка?

Игорь кивнул.

Они потоптались у машины, пока не появился Смирнов, да так, что они и не поняли, откуда он взялся.

...У Лены Смирнов вдруг сказал, что "ребята могут ехать"...

– Мы с Леной потолкуем, и либо договоримся, либо выскажемся, что были рады знакомству.

Парни очень растерялись, но уж таков был Смирнов и такое лицо умел соорудить, что перечить ему не хотелось. Какой-то холодный страх закрался в ее душу: она почувствовала себя на верхней точке американских горок, когда начинается управляемое падение с самой максимальной высоты, когда процесс запущен и никакая сила не способна остановить его; остается только надеяться на прочность конструкции и правильный расчет инженеров, а больше следовать логике, что ведь и до того кто-то проезжал тут, и с ним ничего не случилось.

Ребята ушли. Хотели было спрятаться за углом да понаблюдать, когда выйдет Смирнов, но поскольку не знали, где он поставил свою машину, решили не нагибаться ниже... И без того им было стыдно глядеть друг на друга.

Лена быстро успокоилась, своим женским умом поняв, и сердцем почуяв, что с ней говорят так, как она видела, говорили в кино, задавая множество вопросов, делая предварительные выводы, интересно продвигая мысль в сторону развития версий и догадок. Ей нравилось с ним общаться и он совершенно не был похож на ее знакомого, который совсем недавно откровенно обобрал ее...

Лена отвечала на все вопросы откровенно – что знала, говорила, а чего не знала, о том высказывала свои предположения. Когда он спросил, знает ли она, почему Сергей изменял ей с проститутками, Лена ответила раньше, чем успела сообразить.

Она сказала:

-Я не могла в постели делать то, что он хотел...- при этом покраснела, смутилась так, как, наверное, и в юности не смогла бы.

Тогда он, нисколько не изменившись в лице, уточнил:

-Я имею ввиду несколько другое: почему он не пользовался услугами одной женщины, а предпочитал..., ну как бы это правильно сказать, *одноразовых кукол*?

На самом деле он легко бы мог подобрать "казенные, слова, сказать, например, что "предпочитал иметь дело с дешевыми проститутками", но именно таким сравнением он думал, что делает комплимент Лене.

А она почувствовала себя полной дурой, но не испытала к нему гнева или злобы, напротив, была удивлена приливу каких-то сильных чувств к этому человеку; она бы сейчас не отказалась припасть к его груди и заплакать.

-Лена, - не дождавшись ответа от нее, продолжил Смирнов, - как бы там ни было, не редки случаи, когда из проституток выделяется одна, к которой мужчина начинает испытывать чувства, или, говоря проще, которой начинают отдавать предпочтения... Все-таки, как мне кажется, ваш супруг не был лишен самомнения, он любил покрасоваться, особенно перед женщинами, а значит, он должен был выбрать такую, чтобы либо удивить всех остальных, либо шокировать. Короче, парни вдруг западают либо на самых дорогих, красивых, либо на самых... неординарных.

И вдруг Лена вспомнила, что как-то обнаружила в его телефоне (в исходящих звонках) номер, который не имел никакого обозначения. Это потом, после одной ссоры, он догадался и закрыл клавиатуру паролем.

Лена вскочила и ушла в комнату, принесла собственную трубку и через минуту назвала номер, сказала:

-Я на всякий случай записала один номер к себе в адресную книгу. Назвала "Сукой". Я звонила, и мне ответил женский голос. Не помню, что я наговорила, но на том конце меня послали! Точно, а потом Серега закрылся паролем. Странно, что я как-то забыла об этом...

-Хорошо, – сказал Смирнов и Лена поняла, что он завершает их беседу, – я сейчас подведу итог, а вы, при необходимости, будете меня поправлять. Итак, 27 июня Сергей после предварительного звонка уехал на встречу с покупателем машины. После этого дома не появлялся. Есть,

по вашему предположению, номер телефона возможной его любовницы... В друзьях у него, из тех, кого вы знаете, числятся... - дальше Смирнов перечислил имена, фамилии и все полученные от Лены установочные данные на людей, с которыми, возможно, придется повстречаться.

За все это время Лена молча кивала. А когда он закончил свой отчет вопросом, *чего же она конкретно от него хочет*, Лена попросила разъяснения:

-Я не поняла вас.

-Я имею ввиду, вы хотите, чтобы я вам предоставил конкретного убийцу, или вы хотите, чтобы была задействована система правосудия и преступник был наказан по закону?

Лена действительно была озадачена такой постановкой вопроса: а ведь она, представь ей сейчас убийцу, лишь набросилась бы на него с кулаками и стала бы кричать, что убьет его. А что потом?

-А можно сделать так, чтобы убийца был наказан без суда? – услышала она свой голос и настолько была шокирована, что вызвала у Смирнова улыбку: он заметил, как расширились зрачки ее глаз; ему показалось, что женщина на какое-то мгновение потеряла ощущение реальности...

-Лена, -заговорил он тихим голосом, - такая услуга вам обойдется дороже, чем если по суду и по закону. Потому что эта услуга оказывается с применением конспиративных методов и высококвалифицированных специалистов. Вы получаете доказательства виновности конкретного человека, а затем, в зависимости от вашего выбора, подтверждение исполнения вами вынесенного приговора...

-Круто! – выскочило у нее, – а во сколько это все обойдется?

Смирнов расписал ей все пункты услуг, кроме последних, разъяснив, что всему свое время. Лена прикинула свои капиталы, легко согласилась... И почему-то почувствовала сильное возбуждение, испытала влечение к Смирнову; он заметил, как заблестели ее глаза, и как близко придвинулась она к нему, когда они прощались... И не помнила она уже, что заплатила ему немалую сумму аванса; ей хотелось снова с ним встретиться; еще она подумала, что хоть и уступал в телосложении этот человек, и в возрасте был постарше, она бы предпочла своему Сергею именно такого мужчину! Наконец, ее не смутила даже улыбка, которой он одарил ее напоследок – она не

заметила в нем снисходительности, которая проявляется, когда визави ведется с детской наивностью...

Потом она осталась одна и возник вопрос - отчего же она так легко согласилась со смертью Сергея? И тогда почувствовала разом прилив нежности к усопшему, затем наступило раздражение, как бывает, когда предчувствуешь возобновление боли после короткой передышки под действием анестетика; а еще испытала что-то такое, что можно обозначить словом "предательство"; на ум пришла мысль, что так бы она избавилась от раненного на войне товарища, если бы пришлось спешно бежать, или просто идти из прошлого в будущее. Наверное, она такой была всегда, Сергею прощала измену, потому что видела в нем и себя саму, знала, что придет время, ребенок станет чуть постарше, а она – свободнее, и тогда наверстает все сполна. Вот только время это наступило раньше, радости она не испытывала, хоть и прожила уже пару раз вспышку страсти. И это чертовски заводило, как когда-то короткая юбка, игра пальцев, красные щеки подростков, глаза взрослых и порочных дядек, которые в ней увидели женщину раньше, чем родители...

На балконе она рассказала Люде, что наняла сыщика, заплатила ему. Сестра предположила, что этот тип, может быть, кинет ее. Тогда Лене пришло на ум, что это будет даже лучше: ее обманул Дробыш, и теперь, если даже обманет этот, который назвался Максом, можно будет считать, что она заплатила в последний раз, будто откупаясь от собственной совести...

Как-то неожиданно для Смирнова случились перемены в его жизни. Вроде был в курсе всех событий, вроде не последним был – не простым начальником, а вот не поладил вдруг со своим руководителем, нарушил неписанный закон, по которому не следует светить тот источник нелегального дохода, от которого не отстегиваешь своему руководителю, и был таков... Его сразу не поперли, как случилось бы с кем-нибудь другим; он состоял в тесной дружбе с человеком из главка – со своим корешом по молодости, но когда поднялся шум, когда стали угрожать посадкой по статье об использовании служебного положения в

корыстных целях, пришлось согласиться с увольнением по собственному желанию. И не из жадности своей он не хотел делиться со свои босом, а просто из принципов, один из которых можно было бы выразить коротко как отвращение... к родственнику самого министра. Ну и вообще, с первого дня, как появился этот хлыщ в кабинете начальника, Смирнов понял, что либо должен перевестись в другой отдел, либо застрелить этого отпрыска "либерастических родителей" с двойным гражданством, либо пустить все на самотек, пока жизнь "не разлучит" их навеки. Случилось последнее: Хлыщ с короткими ручками, большой головой, на коротких ногах, да с усиками над выпяченными губами вызвал его в кабинет и спросил по поводу приработка от *крышевания* редких и дорогостоящих сделок между известными фирмами, на что получил встречный вопрос, выраженный в наглой форме, типа, какое твое собачье дело? Растерявшись лишь на мгновение, Хлыщ попытался поставить Смирнова на место, даже пригрозил расправой, на что получил еще одну хлесткую пощечину в виде тихо, сквозь зубы произнесенной фразы: "Все под богом ходим – у каждого свой начальник и свои яйца есть! Проверим, кто кого раньше за эти самые яйца схватит?"

-Не понял? – померк лицом молодой начальник, растерялся даже, привстал со своего кресла, сказал громче и дрожащим голосом. – Ты на что намекаешь?!

-Я не намекаю, а прямо говорю тебе, чтобы не совал свой нос туда, откуда тебя твой хозяин не вытащит. Короче, скажи своему (он назвал фамилию так же новоиспеченного, приехавшего из ближнего зарубежья начальствующего элемента), что я тебя послал к такой-то матери от себя лично и от имени Виктора Ильича. И если ты еще раз полезешь своими ручонками в чужой карман, в качестве предупреждения мы отрубим тебе правую руку!...

Смирнов вышел из кабинета, позвонил Виктору Ильичу, доложил, что *новый* все-таки полез не в свои дела,.. и вдруг получил рекомендацию уволиться в ближайшее время, иначе его ждет длинное разбирательство и, вероятно, посадка с внушительным сроком..

Увольнялся он спешным порядком, отлично представляя, какая вольная и интересная жизнь его ждет на свободных хлебах, прекрасно понимая, что выдержать дальнейшего соседства с наплывающими в органы гастарбайтерами он не сможет. Бороться и мириться с этим явлением, а еще более – идти на компромисс всегда легче с позиции

силы, - думал он. И, похоже, не ошибся, обнаружив потом, что с ним солидарны многие из бывших, кто сумел не спиться, сохранить дружбу, наладить гешефт с теми, за кем сегодня маячит ослабившаяся морда мирового господина. И даже когда пришлось сворачивать некоторые темы, братья за мелочевку чтобы выжить, он не сожалел о несвершившейся мечте стать большим начальником, отлично понимая, что в условиях нынешних приоритетов терпеть унижения он не станет; хуже, если от своих же; а то и сгинет, ибо щедра родина на предателей... Одним словом, когда Виктор Ильич ушел на повышение в Москву, вместо него остался "Артист" (это до нынешнего начальника), как его прозвали между собой бывшие опера, а с Артистом сговориться оказалось даже проще, поскольку тот имел свойство такое – врать и подлаживаться под любое руководство и любые требования, при этом имитируя независимость и свободомыслие, при этом меняя кредо с частотой, с которой потом сменялись "эпохи", маркирующие этапы развала страны. Надо было просто выживать, и никто не замечал уже ни строптивного, ни наглого, ни подлого и преступного человека, если тот вписывался во всеобщую манеру жизни, согласно которой воровство и грабеж стали естественным способом этой жизни: если ты был выгоден – приносил деньги команде единомышленников, тебя чтили, если не понимал правила, что в команде делаются большие деньги, тебя вытесняли в стадо гоев, то бишь обычного народа. И не иначе как-то... Таким образом, за короткое время - с начала девяностых до середины девяностых, - Смирнов состоялся как независимый специалист в команде Артиста, к которому сам Артист относился с уважением, поручая серьезные дела. А Смирнов не брезговал никогда простыми подработками, каким, кстати, и был заказ от Лены.

В этот же день, через своего знакомого, за небольшую сумму, Смирнов заказал распечатку всех звонков, который сделал пропавший Тимофеев Сергей. Было два номера, на которые звонил Сергей. Первый был записан на человека, на которого было оформлено несколько десятков симок (такими бывают разовые симки, которые после использования выбрасывают) ; а вот на другой номер несколько раз звонил Сергей. Это оказалась пятнадцатилетняя Ивлева Лена, проживающая по адресу... Понятное дело, что по первому звонил тот, с кем должна была состояться сделка по продаже машины, а вот кто такая эта Ивлева Елена Николаевна, - надо бы выяснить...

На следующий день вместе с участковым он зашел по адресу и обнаружил там пьяную мать Ивлевой Лены. После нескольких пинков мать назвала дочь проституткой, которая работает на точке, больна гепатитом С и, ко всему этому, наркоманка - сидит плотно на героине. Показала фотографию, по которой Смирнов (ему повезло, день был не "рыбный") легко нашел эту худую, бледную, с видом смертельно уставшего человека, девочку. Она стояла у столба, близ остановки общественного транспорта. Он мигнул фарами своего авто, она тут же подошла, пригнулась к раскрытому окну машины и, дождавшись дежурного вопроса, назвала свой тариф. Смирнов кивнул и она тут же оказалась на переднем сидении.

Они отъехали недалеко. Он остановился в укромном месте, крепко обнял, слегка придушил и отработанным движением заковал в наручники; приставил к лицу нож – типа изуродую, работать не сможешь; спросил, дыша ей... в глаза (девочка подумала, что во всяких позах побывала она, даже в разных переделках, но так, чтобы к горлу приставили нож, а говорили в самые глаза, - такое было впервой).

- Куда делся Серега? Или отвечаешь, или сейчас изуродую, потом отвезу в отдел, а там навешают по полной...

- Дяденька, - обратилась девочка к мужчине, - я не знаю, про какого Сергея вы говорите.

-Про того, который тебе названивал 27 июня, когда исчез...

-А куда он исчез?

-Вот и я хочу это понять.

-Я не знаю... - начала было она по привычке оправдываться, но вспомнила, закивала. – Да-да, я поняла, о ком вы. Сергей – мой постоянный клиент. Ему нравилось со мной. В тот день, – наверное это было 27 числа, - он звонил много. Мне показалось, пьяный был. Потом прекратил звонить. Я ему позвонила несколько раз – вечером. Мы договаривались встретиться. Но никто не ответил. А потом и вообще "абонент не абонент"... Вот и все.

Смирнов внимательно смотрел на нее – чутье старого опера подсказывало, что не врет...

-Ладно, – сказал он, - ты меня не поняла. Поедем в участок, а там по этапу...

-Но почему?! Я сказала все, что было. Я не стала бы ничего скрывать, потому что я не знаю,.. чего не надо говорить... Я не понимаю,

что я не так сказала. Я, если надо, сделаю все, если я виновата.. Но я не понимаю, что происходит. Если он должен, то я тут вообще не при чем...

-Он исчез...

-Да я поняла. Вы думаете, что я могу знать, где он прячется?

-Нет, это потом. А пока – что с ним случилось в тот день...

-Откуда я знаю...

Смирнов отвернулся от нее. Во-первых, из ее рта пахло как от трупа, а во-вторых, он перестал сомневаться в ее... показаниях...

За пару секунд он посчитал, что на этом деле заработал уже немного, и хватит с него. А с женой пропавшего можно будет еще замутить... Она, судя по первому впечатлению, сучка еще та...

-Тогда помоги, и отпущу тебя тут же, – сказал он, указывая на наручники. – Расскажи все, что знаешь про него, что было, когда вы общались... Может быть что-то он по телефону говорил.. Ну понимаешь меня, да? Ведь бывает так, что по телефону что-то или как-то необычно говорят, ругаются...

Она закивала с энтузиазмом, забыла про руки, скованные металлом, насупила брови, призадумалась не на шутку. Он рассматривал ее с нескрываемым отвращением.., хотя, как только она оборачивалась к нему, за долю секунды исправлялся в лице – принимал роль великодушного дяденьки, чуть ли не киношного пастора, готового наставить блудницу на путь истинный.

-Обычно он сразу... начинал с этого. Любил минет. Говорил, что я это делаю лучше всех. Потом шутил. Помню, как-то раз ему позвонили и он кого-то называл черно...пым чуркой, ругался очень, говорил, что сам их поубивает, только мараться пока не хочет, но если достанут...

-Девочка моя, точнее вспомни, пожалуйста... - тут Смирнов искренне обрадовался, даже провел рукой по ее волосам (удивился тому, что они были чистыми) .- Расскажи так, как будто сплетничаешь про то, как кто-то кому-то что-то сказал. Буквально каждое слово. Мне кажется, что у тебя хорошая память.

Она кивнула..., все больше оставаясь в своих воспоминаниях, помолчала с несколько секунд, и вдруг припомнила еще:

-Да, правильно. Я вспомнила. Он говорил: "Ты меня достал! Если б не Ленка, не ее просьбы о вас с Людкой, ты бы у меня кубарем катился давно. А то, может, я бы тебя и зарыл где-нибудь в лесах Ленинградской области. Считай это платой за то, что живешь в нашей квартире..."

Тут она посмотрела на Смирнова, сказала:

-Это был единственный случай, который мне запомнился. Вообще, кажется после этого случая он стал выключать телефон, пока я у него отсасывала... Я это могу делать бесконечно! Иногда он оставался у меня дома. Матери давал деньги и она исчезала на всю ночь. Тогда он обязательно выключал телефон. Ну, и мы кайфовали... Больше вспомнить нечего, честно слово!

-Он тоже на героине сидел?

-Нет-нет, он только много пил. Он меня все ругал, что я наркоманка...

-Людка, говоришь... - между прочим, с рассеянностью ученого, какими их изображают в кино, спросил Смирнов.

-Какая Людка? – не сразу поняла его вопрос проститутка Ивлева Лена, даже растерялась, казалось, расстроилась, ожидая повторного недоверия.

-Ты сама назвала это имя, когда пересказывала его разговор по телефону...

Ивлева Лена будто прокрутила свой собственный рассказ, и решила его повторить:

-Он говорил так: " Ты достал меня! Ленка просила меня, чтобы я вас не трогал с Людой, а то бы вы у меня катились кубарем с лестницы. А то, чурка, я бы тебя давно зарыл где-нибудь в Ленинградской области... А мой долг я тебе прощаю – считай это платой за то, что живешь в моей квартире..." Да, Людка там какая-то. Я так поняла, - это сестра его жены...

Смирнов раскрыл наручники. Девочка Лена потерла запястья и посмотрела преданными глазами на Смирнова. Вдруг предложила свои услуги:

-Я бы с удовольствием, - сказала она с жалкой улыбкой, – у меня и презерватив есть, если что...

-Глупенькая, уходи сразу, когда тебя отпускают. А то ведь такое угодничество можно по-разному расценить...

Она пожала плечами, будто обиделась.

-Да нет же, это не угодничество... Просто у меня ощущение осталось, что я чего-то не сделала, что будто обманула. Как-то не приятно на душе, - при этих словах она прижала кулачок к своей груди, как иной раз могут делать дети в минуты сильных переживаний...

Пока договаривались о встрече, Лена как-то внезапно для себя "выболтала": она сказала, что надо бы встретиться "в укромном месте". От кого она предполагала укрываться, ей самой было невдомек, но уж коли слова вылетели, пришлось поправляться, что-то пояснять, и получилось бы все так нелепо, не останови он ее. А тогда она убедилась, что он и вовсе не обратил внимание на ее слова: просто назвал место, рассказал, как лучше подъехать, и все.

Когда встретились, он невольно обратил внимание, как сильно пахнет в машине духами. Не так, чтобы жмуриться или начать чихать, но до тошноты, если быть чувствительным человеком.

-Я случайно флакон на себя опрокинула, - сказала она.

Он кивнул, вслух заметил, что духи дорогие; это был еще и комплимент, какие из уст смирных обычно вылетают, как пчелы из улья; по тому тону, с которым он сказал эти несколько слов, ей трудно было понять, укорял он ее в том, что она может позволить себе дорогие духи, или в том, что позволяет опрокидывать на себя дорогие духи?

-Может быть пообедаем? – предложил он.

Улыбка овладела ее лицом раньше, чем она успела войти в образ дамы на свидании: ей бы хотелось устроить хотя бы паузу в пару секунд, а получилось, будто она так и ждала этого приглашения.

Пока сидели и ждали исполнения заказа, говорили ни о чем, так что со стороны вполне могли сойти за влюбленных. Сегодня они нравились друг другу и не скрывали этого – каждый мог легко принимать позицию партнера, которая основывалась на выгоде, потому что сам хорошо осознавал собственное положение – ему нужны были ее деньги, а ей очень хотелось знать тайну, с которой пришел он, а еще надеяться, что сегодня и завтра, - может еще и потом, - она не будет одинокой...

Лена выпила немного и этого оказалось достаточно, чтобы начать вспоминать, как они жили с Сергеем.

Смирнов слушал, не выказывая безразличия. Ему было совершенно не интересно, он разглядывал ее лицо и чувствовал совершенное спокойствие, как бывало у него всегда, если надо было

присутствовать на похоронах; а иной раз переполняло чувство превосходства перед усопшим.

...Смирнов сказал это вдруг, дождавшись, когда она сделает паузу в своих воспоминаниях:

-Лена, выслушай меня спокойно. Девушка, с которой он *тусовался*, сказала, что однажды он по телефону ругался с каким-то нерусским и... - и дальше он пересказал слова проститутки.

Лена замерла. Глаза ее стали меняться, потом потухли. Вот она – концовка, которую она ожидала, которая случилась так просто. Она снова испытала это странное чувство, столь неуместное в ее жизни....

-Я могла предположить это. Но я не верила, что он способен на убийство... Он его наказал... Наказал за то, что Серега постоянно стебал его. Мы ведь жили вместе. Люда привела его и сказала, что он будет жить с нами. Люду жалко - у нее ничего не получалось с нашими мужиками, а этот говорил, что любит ее. Типа, что даже женится. Я не верила, и Серега не верил. Они вообще, чуть не подрались... несколько раз, – она вспоминала глядя в пространство перед собой; в этом пространстве находился Смирнов и получалось, будто смотрит она как слепая...

Постепенно глаза ее сфокусировались, взгляд стал жестче, как будто художник невидимой рукой нанес несколько штрихов, найдя., наконец то самое выражение, которое говорит о решимости...

-Можно его заказать?! – с чувством спросила она.

Смирнов пристально смотрел на Лену: он будто играл какую-то паршивую роль мента в сериале.

-Можно. Но это дорого, как я уже говорил...

-Ничего. В память о нем... Я думаю, он бы согласился... за себя заплатить!

Он редко брался за такие дела; сам больше не исполнял – была возможность подрядить профи своего дела; иных он вовсе не знал, мог только через посредников.. Времена менялись, кого-то зачистили, но спрос на эту услугу оставался стабильным...

-Я ведь у гадалки была.., - сказала Лена, – гадалка рассказала, что с ним... происходит...

-Происходит?! – переспросил Смирнов, искренне удивленный, – Что ты имеешь ввиду?

-Ничего необычного. Она когда гадала он был жив еще. Она сказала, что его все равно убьют. Зарежут - пустят кровь. И все это делается из-за того, что он обидел чернявого – самого чернявого из них. За ним много преступлений у себя на родине. Якобы он бежал из-за этого в Питер. Ну, там она еще много чего личного говорила про нашу семью – это сейчас не важно, а тебе будет не интересно. Короче, его наказывают из-за его высокомерия... Я тогда не подумала, что это имеет отношение к Людкиному мужику.

...Он заговорил о цене. Она кивнула - ей было все равно, даже если бы пришлось забраться в долги – это при том, что в тайнике ее лежала огромная сумма, да и на счетах было не мало. Цифра, которую назвал Смирнов, не испугала ее, а поскольку она была в переживаниях, он так и не понял на сколько ошибся. Впрочем, опыт жизни и большая практика в подобных делах научили его видеть только те цифры, на которые он рассчитывал, не сомневаясь в себе – в своих возможностях и чувстве собственного достоинства: алчность не могла быть приложена к достоинству, как печать к бумаге...

Они ушли из ресторана понуро. Со стороны можно было подумать, что повздорили, что не поняли друг друга, что оба переживают. А в машине она потянулась к нему и поцеловала – долго, не как пьяная женщина, а с чувством. Ее возбуждала сила, которая исходила от Смирнова. Если Сергей был физически крепок, Смирнов, постарше, был мечтой ее, когда еще в юности она тренировалась на стадионе и мечтала, что однажды тренер соблазнит ее, или хотя бы обратит на нее больше внимания, чем на всех остальных... Смирнов уделял ей много внимания, он готов был заступиться за нее, и... воплотить в жизнь главную на сегодня мечту – наказать этого наглого типа – мужа сестры.

...В гостиничном номере прямо с порога набросились друг на друга... В перерывах курили, пили – она коньяк, он виски; потом снова истязали друг друга; она даже расплакалась под конец, когда почувствовала, что Смирнов скоро сдастся и они разойдутся. Станет ли он снова ее приглашать? Она где-то там – вне себя, будто вне своего сознания – понимала, что он делает все это не только из кратковременной страсти, но и от зависимости от большого платежа, который она должна будет сделать завтра. И все равно ей было легче, и все равно она ожидала согласия, когда спросит о следующей встрече...

Спросила тут же – в постели. Он согласился – кивнул как-то даже с благодарностью в лице. А она, лежа на нем, смотрела в его глаза и вдруг призналась:

-А ты хороший мужик...

На что он никак не ответил, - только смотрел некоторое время внимательно, будто решая загадку интеллекта Лены, предполагая, что перед ним сама святая невинность в образе простой дуры...

На следующий день они встретились и она передала ему обычный целлофановый пакет, в котором были пачки денег. Он принял их не пересчитывая; они поговорили ни о чем, затем он в деловой манере рассказал о последовательности тех действий, которые предпримет, решая задачу ликвидации убийцы Сергея, и они разъехались; запросто наметили следующее рандеву у гостиницы...

Он не пришел на свидание и она простила ему неверность. Даже спустя неделю, когда он перестал отвечать на ее звонки, Лена все еще верила в справедливость. А когда прошел месяц или чуть менее того и ничего не изменилось, когда по прежнему каждый вечер сожитель Люды приходил к ним в квартиру как к себе домой, Лена сдалась.

На следующий день она оставила ребенка сестре и уехала в никуда. Ей хотелось так думать, что можно взять и самой уехать в никуда.

За рулем решение пришло запросто; может быть она когда-то думала об этом, или, напротив, больше всего опасалась этого случая; помнится, когда Сергей подарил ей эту машину, то предупредил, что совершает этот поступок из больших чувств к своей жене, но опасается, как бы она не сцепилась с какой-нибудь "мочалкой" на дороге и не стала демонстрировать мощь своего авто – спортивный автомобиль провоцирует на скорость, другие ездки могут вестись на поводу у своих амбиций и сильно желать подтверждения своего превосходства... Поэтому он должна знать, что ее машина превосходит практически многие из ряда привычных марок машин, так что доказывать ничего не надо. А со светофора она всегда может уйти раньше и дальше, лишь бы не уйти в дрифт, даже имея передний привод; топить педаль в пол нельзя, надо надавливать постепенно...

Сейчас в ней, как приступ боли, взыграло сильное желание, как иной раз бывало раньше, когда хотелось быть с мужчиной, с любым мужчиной, лишь бы успокоиться наконец... И этим мужчиной был только

Сергей. Она стала разгоняться – понеслась по трассе; глаза искали дерево, столб, а тут был только кювет, так что даже на большой скорости если вылететь, в этой машине можно отстаться живой. Станным показалось, что это решение покончить с собой пришло таким сильным, с такой натугой, какая происходит, когда естественные потребности человека становятся единственным желанием, с которым сладить иначе, как исполнив их, невозможно. Дальше пришло на ум, что непременно надо наклонить стрелку спидометра до цифры 180, а лучше 200 километров в час. Но дальше пошла дорога извилистая - часто приходилось притормаживать. А совсем уж странная мысль, которая появилась спустя пару минут, и вовсе смутила Лену: она подумала, что если разобьет эту машину и сама останется в живых, Сергей обидится.

Надо было выехать на Сетрорецкую трассу. Для этого следовало проехать через город, можно было бы еще подумать о чем-то существенном – ведь все теперь в ее жизни происходит в последний раз. А выходило так, что она вообще ни о чем не думала; она получала удовольствие от управления автомобилем, она слышала больше звуков, чем когда-либо; нос ее принимал и различал сотни тысяч – не менее, как ей показалось, запахов; ей было так легко и счастливо, и ей вдруг показалось все прошлое бессмыслицей!... И только одно сожаление прозвучало тихим голосом Сергея. Она ведь явственной услышала его голос:

-Ленка, мне так тоскливо, так грустно, что не могу быть рядом с вами, что не смогу взять на руки нашего пацана...

Потекли слезы с глаз, лицо исказила гримаса. Она проезжала город, стояла на светофорах. Потом оказалось, что стоит припаркованная к обочине. Сколько времени так было, как долго она общалась с Сергеем, - она бы не могла сказать, даже если бы посмотрела на часы. Потому что Лена не знала, когда все началось, она не понимала, что должна делать дальше. Только могла говорить... С Сергеем. И никто никогда не смог бы ее убедить в том, что это была галлюцинация... Да и какая разница?!

-Серег, но как мне быть дальше?! – то ли вслух, то ли как-то... сердцем спросила она... И получила ответ – как раз в духе того Серег, которого хорошо знала.

-Дура! – говорил он в голос, - У тебя есть деньги. Купи втихую квартиру и свали оттуда. Без меня ты их не одолеешь...

-Да, - закивала она, утирая слезы, - без тебя я их не одолею... а ты меня не будешь ругать, что я столько денег... спустила?

-Нет, не буду. Вырасти парня, я им буду жить...

На красную машину обращали внимание – не иначе. Люди видели, что за рулем женщина разговаривает сама с собой, плачет. Каждый понимал это по-своему, каждый испытывал свои чувства и к машине, и к хозяйке этой машины.

В огромном черном внедорожнике проползла мимо двадцатилетняя блондинка с хвостиком на загривке, со ртом Джולי, с цветными линзами в глазах, протезами – в груди...Ее звали Кариной, но сама себя она называла Мадлен. Из-за тонированных стекол ее не было видно, зато она могла беспардонно всех разглядывать. Вот и видела она женщину за рулем – светофор впереди тормозил движение и было достаточно времени, чтобы рассмотреть Лену. Она поняла, что Лена плачет, вспомнила, как когда-то... очень давно... сама дралась со своим парнем и потом могла прореветь в машине – вот так вот остановиться и реветь, реветь...

-Дура! – произнесла она вслух, - Из-за них реветь – себя не уважать!

А дальше, уже не глядя в сторону красной машины, продвигаясь ближе к светофору, теперь имея ввиду своего спонсора, добавила:

-Даже если бы он издох, и чо?! В этом мире никто никому ничего не должен! Можешь, - бери, не можешь, - отвали! И не иначе как-то...

=====

Азарян Александр
Май 2005г
Санкт-Петербург